

"ВОТ НА ЛУГУ ШОССЕ, ДОМ С КОЛОННАМИ, ОРЕДЕЖ..." в Рождествено, у Набокова

НЕЗАДОЛГО до Рождества отправился я в Рождествено... Какое хорошее имя дали нашим предкам село, давным-давно возникшему в этом благословенном крае... И правда, места здесь дивные — незаром, например, Майков воспева их не раз и Плещеев, и Надсон:

Кругом легли ночные тени,
Глубокой мглою окутан сад,
Настыли душистые сирени
В весенней ноге мирно спят...

И Пушкин обожал бродить тут с молибертом, и Крамской, и Петров-Водкин... И Пушкин под этим небом задумал повесть о станционном смотрителе: вот он, у дороги — тот самый симпатичный домик, где жили Самсон Вырин и его Дуня...

На дорога ведет меня за околицу Выры, дальше, дальше, туда, где режут небо купола красавицы церкви, сложенной из бордового камня. Когда-то, еще при царевиче Алексее, которому Петр подарил это село Грязно, на этом месте построили из дерева храм Рождества Богородицы — вот и стало село с той поры зваться Рождествено... Гляжу с высокого холма вперед — да ведь все это уже описано Набоковым, когда он в «Других берегах» вспоминал:

«Поворот, спуск к реке, искрившей промеж парчовой тины, под, вдруг разговорившейся под коньягами, ослепительный блеск жестянки, оставленной улитничком на перилах, белую усадьбу дяди на муравчатом холму, другой мост, через рукав Оредежи...»

Конечно, сейчас река подольдом, и мосты покрыты снегом, и «муравчатый холм» тоже. И некогда «белая усадьба дяди» сквозь голые ветви смотрится очень грустно. А вблизи — и того печальней: облезлые колонны еле-еле хранят следы когда-то белой краски, некоторые качаются, вместе на рапета между ними тут и там — лишь темные балки... Бродил я по стилому дому, поднимался на утонувшую в снегу галерею башенки-бельведера, и тоскливо думалось: «Господи, ну до чего же довели роскошное строение...»

ДВА ВЕКА назад Рождествено было пожаловано графу Безбородко. Потом граф подарил усадьбу своему секретарю Ефремову. Тогда-то и возник живописный деревянный дворец: по всем фасадам — многоколонные классические портики, сверху — легкий бельведер... В конце прошлого века хозяином тут стал столбовой дворянин Василий Иванович Рукавишников. А совсем неподалеку, на так называемой Вырской мызе (сейчас это, по сути, центр Рождествена), поселилась его сестра, Елена

Ивановна — с мужем, Владимиром Дмитриевичем Набоковым, и сыновьями. Старший спустя годы в «Других берегах» повествует о дядиной усадьбе:

«Это был очаровательный, необыкновенный дом. По истечении почти сорока лет я без труда восстанавливаю и общее ощущение и подробности его в памяти: шпательный мраморного пола в прохладной и звучной зале, небесный, сверху свет, белые галереи...»

Увы, ничего, хоть отдаленно напоминающего сей интерьер, — ни «шпательный мраморного пола в прохладной и звучной зале», ни «небесный сверху свет» (а я все это увидел на старой фотографии) — не осталось. Кто только не хозяйничал в этих стенах за последние сорок лет, однако до войны здание сохранилось еще в более-менее первоначальном виде. Даже в годы оккупации, когда немцы раскормили здесь школу разведчиков, интерьер особо не пострадал. Но вот уже в сорок шестом наши соотечественники, решив переместить сюда рождественскую школу (старая сгорела в войну), «прохладную и звучную залу» перегородили на крохотные клетушки, и все очарование этого пространства ушло в пух и прах.

Ну а после в стенах дворца обосновался сортоиспытательный участок и склад семян. Правда — под одной крышей с музеем. Музеем истории села Рождествено и колхоза имени Ленина. Потом колхоз имени Ленина превратился в совхоз (естественно, «Ленинск»), но, поскольку музейное начальство оставалось

«колхозно-совхозным», то и тематика экспозиции изменений не претерпела. Особый акцент делался на «Ленинскую полосу» — так умышленно в 1922-м нарекли сельчане участок коллективной обработки земли, выделенный для оказания помощи беднякам. Лет через сорок, по указанию обкома, «Ленинскую полосу» возродили, чтоб собирать на ней небывалый урожай картофеля — и сразу об этом событии посетителям музея поведал особый стенд. В общем, шум вокруг «полоски» вновь затаяли, денег на эту чисто пропагандистскую чепуху совхоз выбросил немало, а на ремонт дворца средств попросту не было...

Однако после 1985-го, когда порядки в стране чуть изменились, люди, которым прошлое этого дома было дорого, потребовали освободить уникальное здание от мешков с зерном и срочно начать восстановительные работы. Совхозное начальство среагирова-

ло мигом и по-деловому: сократило ставку заведующего музеем...

Слава Богу, теперь здесь с «колхозно-совхозной» оцепкой покончено, и в год девятидесятилетия со дня рождения наконец-то «разрешенного» эмигранта Владимира Владимировича Набокова в Рождествено возник совсем другой музей: историко-литературный, мемориальный. Новые хозяева старинной усадьбы очень стараются возродить ее как можно быстрее, но средств катастрофически не хватает. И все-таки директор музея Валерий Михайлович Мельников в добрые результаты верит сам и заражает этой верой других.

ОН И ПРИВЕЛ меня в зал, посвященный Набокову. Кстати, сама конструкция экспозиции весьма оригинальна — как бы в виде огромной бабочки. Впрочем, это вполне оправдано, ведь писатель был еще и профессиональным энтомологом, и на стенде есть снимок: мальчик раскрыл альбом с бабочками — может, именно с этого дядиного подарка и началось его увлечение? Большинство выставленных фотографий взяты из хранящегося здесь семейного альбома, где щедро запечатлен юный Владимир Набоков. Уже давно нет в соседнем селе Батова дома его бабушки, Марии Фердинандовны Корф, сожгли

именно и Вырскую мызу, и лишь чудом сохранились стены в бывшем имении Рукавишниковых, которое за год до революции унаследовал семнадцатилетний Набоков. Как он расстался сюда из своего такого благополучного дядека:

Глаза припрю — и мгновенно
весь лесный, звонкий весь,
опять в ростиной изобилии,
в усадьбе, у себя, в рай...

Однажды там, в Швейцарии, Набоков получил из России вот эти старые семейные снимки (кто-то переправил и тайно переправил). И на бумагу легли строки:

С серого севера
пришли эти снимки.
Низенькая невеста
вырастает из дымки.
Вот на Лугу шоссе,
дом с колоннами, Оредеж.
Отсюда почти мне и себе
до сих пор еще
удалось бы прийти...

Седой литератор, изверное, снова и снова вглядывался в давние снимки, вспоминал детство:

«...По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам в рождественскую ночь, пока мы спали, по чулку, набитому подарками, а будила нас по случаю праздника сама мать и, деля радость не только с детьми, но и с памятью, собственного детства, наслаждалась нашими восторгами при шуршащем

раздвигании всяких волшебных мелочей...»

ЕДВА ЛИ таким будет нынешнее рождественское утро у мальчишек и девочек на теперешнем Рождествено: не те времена, не та, как говорится, ситуация. И все-таки очень хочется, чтобы согрев их хрупкие души хотя бы свет солнышка за окном, праздничный перезвон церковных колоколов,

просто что-то доброе слово. И хотя их школа носит имя Рылея (тоже ведь — земляк, родом из близкого Батова), пусть все же не забывают и про Владимира Владимировича Набокова, который — очень вроде бы уже знаменитый и благополучный — все равно до самого последнего своего дня сердцем отсюда тянулся к этим холмам, к этой реке, к этому небу, к этой, когда-то изгнавшей его России. Снова и снова просил ее:

Отвнясь, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гуд жизни
Я беспомощен, Я умоляю
от слезных наплываний твоих...

Вдруг кому-то из них слово Набокова (к счастью, еще не затертое) когда-то, в трудную минуту, поможет...

Лев СИДОРОВСКИЙ,
специальный
корреспондент

«Смена»
Рождествено — С-Петербург

